

УДК 398.2(517)

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-225-233

Мотив соблюдения и нарушения буддийских заповедей в сказке «Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель» и его интерпретация в иноязычном тексте

© *Эльбикова Бальзира Вячеславовна*

аспирант, Калмыцкий государственный университет

Россия, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

E-mail: elbikova91@mail.ru

В статье актуализируется необходимость научного осмысления традиционных духовных, нравственно-этических понятий и народных знаний, запечатленных в фольклорных сказках. Рассмотрен мотив соблюдения и нарушения буддийских заповедей в сказке «Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель» из сборника монголо-ойратских сказок «Сидди кюр». Анализируются поступки главных героев, через призму буддийских заповедей рассматриваются представления калмыков о грехе «килнц» и добродетели «буйн», нашедшие отражение в данной сказке. Исследуются полнота передачи буддийских мотивов в иноязычной интерпретации и степень межкультурных расхождений. Статья представляет интерес для фольклористов, лингвистов, этнографов и культурологов.

Ключевые слова: сборник сказок «Сидди Кюр», буддийские мотивы, оригинальный и переводные тексты, дистантные культуры, буддийская ментальность.

В условиях глобализации и интенсивного проникновения элементов западной культуры и поведенческих стандартов в повседневную жизнь калмыков-буддистов актуализируется необходимость научного осмысления духовного наследия, традиционных нравственно-этических понятий и народных знаний, накопленных предыдущими поколениями. В этом аспекте сборник сказок «Сидди кюр», в основе своей восходящий к древнеиндийской обрамленной повести «Двадцать пять рассказов Веталы» и несущий на себе «ясный отпечаток буддизма» [1, с. 11], представляет собой большой интерес, так как буддийская культура формировалась на индийской этнокультурной традиции. Поскольку феномен «буддийская культура вбирает в себя многообразие национальных культур» [6, с. 10], в том числе и калмыцкой, функционирующей в зоне распространения буддизма, то ее отражение в фольклорных традициях калмыков очевидно.

Так, исследователи отмечают, что в монголо-ойратских сказках «Сидди кюр» сохранена общая структура от индийской обрамленной повести, но истории, собранные под рамочной конструкцией, а также мотивы, образы и реалии были заменены на традиционные для ойрат-монгольской культуры [6, с. 5]. Единственным «фольклорным сборником, сохранившим обрамление», Л. Лёринц считает калмыцкую версию «Седклин кюр» («Задушевный разговор»), по-видимому, на том основании, что «почти все рассказы в данном сборнике взяты из калмыцкого фольклора... Калмыцкий сборник стоит

к прочим тибето-монгольским версиям “Волшебного мертвеца” примерно в том же отношении, как они сами к своим индийским прообразам: рамка (или ее общая структура) сохранена, но в нее вставлены совершенно новые элементы», — отмечали Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный [4, с. 139]. В этой связи представляется полезным изучение содержания мотивов, базирующихся на основных буддийских заповедях и, на наш взгляд, отражающих глубинные пласты буддийской ментальности калмыков.

С этой целью обратимся к анализу сказки «Нарна-Герл Сарин-Герл гидг нертэ хойр хан көвүн бээж» («Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель») и через призму буддийских заповедей и поступков сказочных персонажей попытаемся рассмотреть представления калмыков о добродетели «буйн» и грехе «килнц», нашедших отражение в сказочном повествовании.

Представляется интересным изучить переводы оригинального текста сказки «Нарна-Герл Сарин-Герл гидг нертэ хойр хан көвүн бээж» («Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель») на другие европейские языки: «How the serpent-gods were propitiated» (анг.), V. Erzählung (нем.) и проследить степень передачи буддийских понятий в иноязычной интерпретации и характер межкультурных расхождений. Несмотря на то что калмыцкие рассказы большей частью «непривычны» для «тех, кто воспитан в христианском духе и современной культуре» и отражают мышление столь же отличное от европейского читателя, сколь далек и язык, на котором они написаны [9, VI–VII], мы попытаемся обнаружить эти точки «отличного» и «непривычного» в переводах.

В анализируемой сказке «Нарна-Герл Сарин-Герл гидг нертэ хойр хан көвүн бээж» («Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель») присутствует мотив греха и ненадлежащего поведения в быту. Из сказочного сюжета следует, что недостойное поведение демонстрирует ханша. Безнравственность ханши проявляется в ее алчности, корысти, желании нарушить установленный порядок престолонаследия: Хойр хан көвүн өсэд-босад күн боллдад ирхлэ, хатн санна, Нарна-Герл ах болсар хана ширэд залрх, түүнэ көвүн Сарин-Герл дү көвүн болс арн уга, кезэдчн ширэд зарлшго. «Нарна-Герлиг алдг эсв олад, Сарин – Герлиг ширэд залрулх кергтэ гиж шийдв [8, с. 20] (Когда оба царевича подросли, царица стала задумываться о том, что Нарани-Герель, как старший, займет царский престол, в то время, как ее сын, Сарани-Герель, как младший, никогда на престоле не будет. «Нужно изобре­сти средство убить Нарани-Гереля и возвести на трон Сарани-Гереля, — решила она») [2, с. 47]. Рассматриваемый мотив удачно реализован в переводных текстах, смысл злонамерений ханши передан полно, несмотря на разночтения в отдельных фрагментах переводимого текста: Now the second wife thought within herself, If Sunshine is allowed to live, there is no chance of Moonshine ever coming to the throne. *Some means must be found of putting Sunshine out of the way* [9, p. 71] (Вторая жена подумала, что если Нарани-Герель будет жить, то у Сарани-Герель не будет шанса вступить на престол. Должно быть что-то, что позволит Нарани-Герель убрать с дороги); Einmal nun dachte die Chanin bei sich: «So lange der altere Sohn Sonnenscheinen am Leben

bleibt, ehalt mein jungerer Sohn nimmer das reich. Jetzt will ich durch irgend ein Mittel Sonnenschein aus dem Wege schaffen und meinem eigenen Sohne dadurch zur Regierung verhelfen» [7, S. 81]. (Однажды ханша задумалась: Пока старший сын Нарани-Герель жив, мой младший сын не может занять престол. Я найду какое-нибудь средство чтобы убрать с дороги Нарани-Герель и помогу моему сыну занять престол).

Согласно принципам сказочного сюжетосложения злодеяния мачехи-ханши следуют в нарастающей последовательности от злонамеренного умысла и ложных стенаний по поводу мнимой, неизлечимой болезни до подстрекательства хана к детоубийству – самому тяжкому греху: Тигхлэ хатнь келдг болна, тана хойр көв үнэнтн негнэнь зүркиг тоснд буслахд идхлэ зокх билэ. «Зуг Нарн-Герлиг хана ширэд эс залдг арһ угалм, Сарин-Герл нанас һарсин, мини көвүн. Яһж үрнэнь зүрк би иддмб? Ода нанд өңгрхэс өңгдан арһ уга» – гиж хатн келв. «Уга кемр чини үклчн өөрдсн болхла, би Нарна-Герлиг алулнав» — гиж хан хээкрэд, келсэн күцэхв гиж андһар тэвб [8, с. 20] (Тогда царица заявила ему, что *выздоровеет, если съест сердце одного из сыновей царя, сваренное в кунжутном масле*. «Но ведь невозможно, чтобы Нарани-Герель оставил царский престол, — воскликнула царица, — а Сарани-Герель родился от меня, он мой сын. Как же я могу съест его сердце? Теперь мне ничего не остается другого, как умереть». «Нет, — воскликнул царь, — раз ты явно близка к смерти, я предам в руки палачей Нарани-Герель») [2, с. 48]; Динамика злодеяний ханши отражена и в переводах на английский и немецкий языки: She said, «*If there were given me the heart of a Prince, stewed in sesame-oil, I should recover it matters not whether the heart of Sunshine or of Moonshine, but that Moonshine being my own son, his heart would not pass through my throat*». This means, Khan, is manifestly not available, for how should it be done to take the life of Prince Sunshine? Therefore say no more, and let me die [9, p. 72] (Она заявила: «Если съем сердце царевича, сваренное в кунжутном масле, я поправлюсь будь это сердце Нарани-Герель или Сарани-Герель, но Сарани-Герель мой родной сын, я не смогу съест его сердце. Это значит, что ничего из этого не выйдет и позволь мне умереть»; Was ist das für ein Mittel? «Wenn ich von einem der zwei Söhne, gleichviel von welchem, das Herz in Sesamol gesmort verzehren könntedann würde ich Ruhe finden. Allein für dich, o Chan, ist es schwer, Sonnenschein hinzugeben, und da Vondenschein, um es gerade herauszusagen, aus meinem eigenen Schoosse hervorgegangen ist, so geht sein Herz nicht durch meine Kehle Daher gibt es jetzt keinen anderen Ausweg als zu sterben [7, S. 81] (Какой же способ есть? Если бы я могла съест любое сердце одного из сыновей, сваренное в кунжутном масле, я бы обрела покой. Но я не могу съест сердце родного сына, поэтому нет другого пути, как умереть).

Сказочный сюжет подтверждает, что в буддизме каждый шаг человека, телесный, речевой или умственный, есть акт его выбора между воздаянием за добродетель и наказанием за проступок по шкале универсального закона кармы, управляющего цепью взаимозависимой череды рождений индивида в соответствии с законом (дхарма) буддизма. Мотив неукоснительности со-

блюдения морального закона, воздаяния за совершенные поступки прослеживается во всех рассматриваемых фрагментах текстов.

Показательно описание смерти грешницы: Ах-ду хойр чидл-чимгнь немгдсн хана өргэд ирж буухла, *килництэ хатн* эн хойриг үзчкэд, дотр бийнь буру болад, *цусар бөөлжэд үкж oddг болна* [8, с. 24] (Когда оба брата, преисполненные силы и величия, прибыли в царский дворец, *грешная царица*, увидев обоих царевичей, почувствовала себя плохо, стала *блевать кровью и умерла*! Когда оба брата, преисполненные силы и величия, прибыли в царский дворец, *грешная царица*, увидев обоих царевичей, почувствовала себя плохо, стала *блевать кровью и умерла*) [2, с. 52–53]. Назидательность, убедительность и «достоверность» буддийского смысла наказания грешной царицы переданы и переводном тексте: When they came in, ... the Khanin, full of remorse and shame at the thought of the crime she had meditated, fell down dead before their face. «That *wretched woman* got the end, that she deserved!» exclaimed the Khan [9, p. 77] (Когда они вошли, полная раскаяния и стыда ханша мертвой упала перед ними. Эта несчастная женщина закончила так, как заслужила! — воскликнул хан); Als die beiden Brüder mit unermesslicher Pracht und in der Fülle des Glanzes ihren Einzug in die Königsburg hielten, gerieth die frühere Chanin beim Anblick der deaden Söhne in Schrecken, *spie geronnenes Blut und starb* [7, S. 86]. Когда обоих братьев, преисполненных славы и величия, увидела ханша, у нее пошла кровь из горла и она умерла.

Безусловно, контекст исследуемой сказки порождает очевидность дискурса в области праведного, должного поведения, поскольку красной нитью через нее проходит буддийский концепт «*буйн*», обозначающий заслуги, накопление и совершение добродетельных поступков. Блюстителем буддийских заповедей в рассматриваемой сказке выступает царевич Нарани-Герель, преобразующий мир на началах человечности в традиционной для буддизма идее непротивления злу и всепрощения. Поведение царевича свидетельствует, что в буддийской этике добродетель — это не механическое следование предписанному образцу или шаблону, а «непрерывная практика благих дхарм» [5, с. 113].

Сказочный герой Нарани-Герель сострадателен, деликатен, полон сочувствия, человеколюбив, добр и великодушен на протяжении всей сказки. Узнав от младшего брата о коварстве родителей, Нарани-Герель наставляет его соблюдать вековечный закон почитания родителей: «Кемр тиим болхла, чи *эк-эцкиг хойран тевчэд*, кишгэн эдлэд ирг!» [8, с. 21] (Если это так, то ты *оставайся жить счастливо, почитая отца с матерью!*) [3, с. 48]. Смысл наставления старшего брата нашел адекватное отражение в переводном тексте: Seeing this is so, *remain thou with our parents, loving and honouring them, and being loved by them* [9, p. 73] (Если это так, оставайся ты с родителями, любя и почитая их). «Wenn das der Fall ist, so bleib du, *deine Eltern ehrend und hochhaltend*, allein gesund und glücklich zurück... [7, S. 81] (Если это так, то ты оставайся жить счастливо с родителями, почитая их).

Сказочный сюжет свидетельствует, что сыновняя почтительность не вторична по отношению к морали, она и есть сама мораль в буддизме, по-

этому Нарани-Герель не отдает на растерзание ханским посланцам названного отца в лице отшельника, спрятавшего его в глиняную корчагу: Нарн-Герл тесж ядад: «Бичэ эцгим гүвдтн! Би энд бээнэв!» – гиж хээкрэд, оңцас нарч ирв [8, с. 22] (Нарани-Герель тогда не выдержал и воскликнул: «Не бейте моего батюшку! Я здесь!» – и с этими словами он вылез наружу [2, с. 50]. Смысл морали также сохранен и в переводных текстах: But when Sunshine heard the men ill-treating the Hermit who had been to him as a father, he could not refrain himself, and called out from within the brandy-jar. «Unhand my father!» [9, p. 74]). Но когда Нарани-Герель услышал мужчин, жестоко обращающихся с отшельником, который относился к нему, как отец, он не мог удержаться и выкрикнул из бочки для бренди: «Отпустите моего отца!» [2, с. 50]; «Schlagt meinen Vater nicht, ich bin hier» [7, S. 83] (Не трогайте моего отца, я здесь!).

Нарани-Герель не оставляет младшего брата умирать, обессилевшего от утомительной дороги и голода, а с помощью отшельника, спасает его: Ахнь келнэ: «Дү минь, чи өөрэн бээжэ, би йовад ус хээнэв»...Сарин-герлин цогциг олж авад, амнднь унд кен бээж, көгшн дайанч- «Болһаһад, болһаһад!»-гигэд келэ бээж, эмдрүлэд авад, хурвулн дайанчин герүр ирэд амрад жирхэд бээв [8, с. 21] (Старший брат сказал тогда ему: «Братец, ты оставайся здесь, а я пойду поискать воды». ...Разыскав тело Сарани-Гереля, влили ему в рот питье, а старец-отшельник, приговаривая: «Потихоньку, потихоньку!» — оживил его, и они втроем вернулись в дом отшельника и зажили в радости и веселье [2, с. 48–49]. Описание процесса оживления умирающего водой и заговорами, важного для понимания буддийской ритуальной практики исцеления, передано в иноязычном тексте таким образом: Sunshine therefore ran to the top of a high hill to see if he could discern any stream of water...without again speaking the Hermit put into the folds of his girdle a bottle containing a life-restoring cordial, and going to the spot where Moonshine lay buried, restored him to life [9, p. 73] (Нарани-Герель оправился на вершину холма в поисках воды...Выслушав его, отшельник захватил с собой целительный крепкий напиток и они отправились на место, где лежали останки Сарани-Герель, и вернули его к жизни); Voll tiefen Mitgeföhls sprach der ältere Bruder: «Ich will gehen, um Wasser zu suchen;inzwischen harrestandhaft aus und warte hier.» ...Ein leichenbelebendes Mittel mit sich nehmend, machte sich der Einsiedler sammt ihm auf dem Weg, rief den jüngeren Bruder ins Leben zurück und brachte ihn mit [7, S. 82]. С глубоким состраданием старший брат сказал ему: «Братец, ты оставайся здесь, а я пойду искать воды»... С помощью бодрящего напитка отшельник вернул к жизни старшего брата Сарани-Герель, и они втроем вернулись в дом отшельника.

Данные фрагменты сказочного текста отражают основной принцип в реализации чувства милосердия и сострадания в буддизме – нацеленность на конкретный результат, активное сострадание в реальном времени и при реальных условиях. Буддийская заповедь о нравственной ответственности за жизни всех живых существ, запечатленная в оригинальном тексте не потеряла свою назидательность в переводе на европейские языки: Then began

Sunshine to say, «That they should throw me to the Serpent-gods, because I was the only youth to be found who was born in the Tiger year, was not so bad; but that this beautiful maiden, who hath deigned to lift her eyes on me, and to love me, should be so sacrificed also, this is unbearable!» [9, p. 75]. Затем Нарани-Герель сказал: «То, что я должен был попасть в воду, потому что я единственный, кто родился в год тигра, не так плохо, А вот то, что эта прекрасная дева умирает из-за меня, из-за того, что я полюбился ей, это невыносимо»; Da dachte Sonnenschein: «Warlich, wenn man mich, weil ich aus dem Tigerjahr bin, in das Wasser wirft, so geht das an; soll aber diese reizende Königstochter, die in ihrem Herzen von Liebe zu mir erglüht, meinenethalben sterben?» [7, S. 84] (То, что я должен был попасть в воду, потому что я единственный, кто родился в год тигра, не так плохо, А вот то, что эта прекрасная дева умирает из-за меня, из-за того, что я полюбился ей, это невыносимо). Из сказочного сюжета следует, что, помогая другим, Нарани-Герель накапливает благую карму.

В сюжете анализируемой сказки присутствует тема чуда, которая подчеркивает большие заслуги царевича Нарани-Герель, чудесное спасение царевича и усмирение водного царя драконов. А любовь высоконравственной девушки в сказке представлена как реальное вознаграждение юноше за его праведную жизнь, сопряженную со страданиями: Бар жил харсн көвүн үквү? — гиж хан сурснд, хана күүкн келв: «Уга, тер өңгрсн уга. *Түүнэ буйн ик болсар би чигн өңгрсн угав.* Усна хан жөөлн, өршэңдү болсар, дэжж бар жилд харсн көвүд уснд хайад керг уга. Усн урдк кевэрн дала болад бээх». — «Соньн өврмж!» — гиж хан келн сөөвңгүдэн Нарна-Герл бээсн харур илгэхэд, терүг өргэхүр дуудад авад иртн гигэд йовулв [8, с. 23] (Затем, когда царь спросил, умер ли тот юноша, родившийся в год тигра, царевна сказала: «Нет, он не погиб. Наоборот, *благодаря его благости* и я не умерла. А так как царь драконов усмирился, то теперь не надо бросать ему человека, родившегося в год тигра, и вода тем не менее будет течь по-прежнему» [2, с. 51–52]); But the princess answered, «Neither has he fallen sacrifice. Him also they let free and indeed was it in great part out of regard *for his abnegation and distress over my suffering* that we were both let free» [9, p. 76] (Но принцесса ответила: «Нет, он не погиб». Наоборот, *благодаря его благости* и я не умерла.); Der Chan sprach: «Dass die arme Tochter nicht umgekommen, sondern wiedergekehrt, das ist gut; der Sohn des Tiger-jahres dagegen ist wohl umgekommen?». «Nicht ist er umgekommen,» — sprach sie, «und *in Folge seines rührenden Mitgeföhls* bin auch ich nicht umgekommen. Die Drachen liessen sich besänftigen, und ohne dass man nach ihm einen andern Jüngling aus dem Tiger-jahr ins Wasser geworfen hätte, liessen sie das Wasser von selbst beständig strömen» [7, S. 85] (Затем, когда царь спросил, умер ли тот юноша, родившийся в год тигра, царевна сказала: «Нет, он не погиб. Наоборот, *благодаря его благости* и я не умерла. А так как царь драконов усмирился, то теперь не надо бросать ему человека, родившегося в год тигра, и вода тем не менее будет течь по-прежнему»).

Рассмотренные нами мотивы указывают на то, что буддийские заповеди о добродетели в калмыцкой сказочной традиции не потеряли своей актуальности и сути, они равносильны понятию «нравственная жизнь», а понятие «грех» ассоциируется с «безнравственностью». Важно, чтобы эти общечеловеческие ценности, составляющие идейную основу сказочного мотива, сохранили свою семантику в иноязычной вербализации. В этом плане примером вполне адекватного перевода на современные языки является русскоязычный вариант Б. Я. Владимирцова, которому удалось передать глубинный смысл буддийских понятий, в частности этноконцепта «буйн» (добродетель) через христианское слово «благодать», означающее совершенную доброту, подобной по силе которой нет в сотворенном мире (Матф.). Заметим, что в России интерпретация буддизма, перевод его на российскую почву первоначально были связаны с православной традицией, религиозные наименования с других языков переводились через христианский словарь.

Западноевропейские переводчики, как видно из текстов на английском и немецком языках, избегают использования церковной лексики: нем. *Tugend*, англ. *virtue* в значении «добродетель», адаптируя этноконцепт *буйн* более привычной для своей читательской аудитории лексикой: буйн — благодать — *abnegation and distress — Mitgeföhls*. Здесь мы наблюдаем сопряжение процесса перевода с осознанием культурно-специфической картины мира представителями разных духовных культур.

Лексемы *abnegation, distress, Mitgeföhls* не отражают содержания объема этноконцепта «буйн» и особенности духовной культуры калмыков, связанные со своеобразным мировосприятием, в отличие от западной христианской традиции, где безупречно нравственное поведение вообще не вменяется человеку в заслугу. Здесь уместно заметить, что аккультурация транслируемых смыслов, вербально выраженных этнически обусловленных моральных ценностей, нередко приводит к появлению несколько отличных от них смыслов в принимающей культуре. Это становится совершенно очевидным при сравнении перевода словосочетания *килцтэ хатн* на европейские языки. Исследование текстовых фрагментов выявило, что в русскоязычном тексте применен дословный перевод *грешная царица*, в англоязычном — *wretched woman* (*негодяйка*). Здесь «*wretched woman*» только «негодяйка», значение же «*грешная царица*» остается за рамками переводческого контекста. Это объясняется тем, что английский перевод предназначен для детской аудитории. И в этой связи сложные для понимания детей лексемы заменены общеупотребительными. Изъятие немецким переводчиком Б. Юльгом текстового элемента оригинала *килцтэ хатн* приводит к частичной деформации той буддийской проблематики, которая воплощена в данном сказочном образе.

Таким образом, можно заключить, что буддийские мотивы, укоренившиеся в сказочном фольклоре (как в оригинальных, так и в переводных произведениях), помогают реализации извечной для всех народов и культур темы – победе добра над злом. Понятия, связанные с культурной спецификой переводимого материала, способствуют приближению транспонируемо-

го текста к иноязычному читателю. При взаимодействии текстов дистантных культур, как в данном случае, (европейская — неевропейская) рецепция осуществлялась теми семантическими средствами, какими располагали воспринимающие культуры.

Литература

1. Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Rancatantra. Пг., 1921.
2. Волшебный мертвец: монгольско-ойратские сказки / пер. Б. Я. Владимирцова. М., 1958. 160 с.
3. Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII – начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста: Джангар, 2006. 362 с.
4. Дамдинсурэн Ц., Серебряный С. Д. «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.
5. Ермакова Т. В., Островская Е. П., Рудой И. В. Классическая буддийская философия. СПб.: Лань, 1999.
6. Категории буддийской культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.
7. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Mächen des Siddhi-Kur nach der ausführlicheren Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Mongolisch mit deutscher Übersetzung und kritischen Anmerkungen herausgegeben von Bernhard Julg. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1868 [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.google.ru/books?id=nYHz1QSVQNYC&printsec=frontcover&dq=Mongolische+Märchen-Sammlung.&f=false> (дата обращения 04.05.2016).
8. Үксн цогцин хувлһэн. Монгол-ойратск туульс / пер. Э. Г. Манджиева. Элст, 1962.
9. Sagas from the Far East, or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. Land of Hofer," &c. [i.e. R.H. Busk] [1873] / Rachel Harriette Busk.

**The motif of Buddhist precepts compliance and violation
in the fairy tale «Tsarevichs Narani-Gerel and Sarani-Gerel»
and its interpretation in the foreign-language text**

Balzira V. El' bikova

Research Assistant, Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista 358000, Russia

The article actualizes the need for scientific understanding of the traditional spiritual, moral and ethical concepts and traditional knowledge embodied in folk tales. We consider the motif of Buddhist precepts compliance and violation in original and translated texts of the tale "Tsarevichs Narani-Gerel and Sarani-Gerel" from the Mongol-Oirat collection of fairy tales "Siddhi Kur". The actions of the main characters have been analyzed through the prism of Buddhist precepts, and the representations of the Kalmyks' sin "kilnts" and virtue "buiin" have been considered. We examine the completeness of Buddhist motifs reflexing in foreign language interpretations and assess the degree of crosscultural differences. The article is of interest to folklorists, linguists, ethnographers and cultural specialists.

Keywords: the collection of fairy tales "Siddhi Kur", Buddhist motifs, original and translated texts, distant cultures, Buddhist mentality.

Referenses

1. Vladimirtsov B. Ya. *Mongol'skii sbornik rasskazov iz Pancatantra* [Mongolian Collection of Stories from Pancatantra]. Petrograd, 1921.
2. *Volshebnyi mertvets: mongolo-oiratskie skazki* [Magic Dead: Mongolian-Oirat Tales]. Moscow, 1958. 160 p. (transl. from Mong.)
3. Gerasimovich L. K. *Mongol'skaya literatura XIII – nachala XX v. (materialy k lektsiyam)* [Mongolian Literature of the 13th – the beginning of the 20th Century (the materials for lectures)]. Elista: Dzhangar Publ., 2006. 362 p.
4. Damdinsuren Ts., Serebryanyi S. D. «Obramlennye povesti» v Indii i u mongol'skikh narodov ["The Framed Stories" in India and among Mongolian Peoples]. *Literaturnye svyazi Mongolii — Literary communication Mongolia*. Moscow: Nauka Publ., 1981. Pp. 130–150.
5. Ermakova T. V., Ostrovskaya E. P., Rudoi I. V. *Klassicheskaya buddiiskaya filosofiya* [Classical Buddhist Philosophy]. St Petersburg: Lan' Publ., 1999.
6. *Kategorii buddiiskoi kul'tury* [Categories of Buddhist Culture]. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2000. 320 p.
7. *Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Mächen des Siddhi-Kur nach der ausführlicheren Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Mongolisch mit deutscher Übersetzung und kritischen Anmerkungen herausgegeben von Bernhard Julg*. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1868. Available at: <https://books.google.ru/books?id=nYHz1QSVQNYC&printsec=frontcover&dq=Mongolische+Märchen-Sammlung.&f=false> (accessed May 4, 2016). (in German)
8. *Yksn tsogtsin khuvlhän. Mongol-oiratck tuul's*. Elst, 1962. (in Kalm.)
9. Busk R. H. *Sagas from the Far East, or, Kalmouk and Mongolian Traditionary Tales*. Land of Hofer, 1873.